

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

ТЕОРИЯ СОНАНТОВ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ

Заслуги акад. Филиппа Федоровича Фортунатова, основателя московской лингвистической школы, одного из ведущих представителей сравнительно-исторического языкознания конца XIX и начала XX в., широко известны и общепризнаны. Сделанные им наблюдения и открытия первостепенной важности, относящиеся к области сравнительной грамматики индоевропейских языков, уже давно прочно вошли в обиход мировой науки, отчасти прямо под именем «законов Фортунатова». И все же неправильно было бы рассматривать тему о Фортунатове как имеющую лишь историко-лингвистическое значение. Оценивая роль научного наследия выдающегося русского ученого, проф. М. Н. Петерсон справедливо писал: «Тщательно обработанные и глубоко продуманные курсы Ф. Ф. не утратили интереса и в наши дни. Многие положения сохранили полное свое значение, многие не только не получили полного развития, но ждут еще дальнейшей разработки»¹.

Между тем наследие Ф. Ф. Фортунатова целиком все еще не вошло в широкий научный обиход. По свидетельству учеников, Ф. Ф. Фортунатов публиковал свои труды редко и неохотно, предпочитая работу по руководству учениками и чтение университетских курсов. Литографированные записки его слушателей, давно уже ставшие библиографической редкостью, также не отражают полностью его научной концепции на всех этапах ее развития. Посмертные издания лекций по фонетике старославянского языка и сравнительной фонетике индоевропейских языков заполнили важный пробел, но далеко не исчерпывают рукописное наследие, оставшееся после смерти выдающегося ученого. Необходима поэтому кропотливая работа по изучению различных материалов, составляющих это наследие, а также трудов других представителей московской лингвистической школы.

Знакомство с системой взглядов Фортунатова в ряде случаев затрудняется еще характерной для его трудов особой, односторонне индуктивной, манерой изложения. Глубокое проникновение в суть явлений позволяло Фортунатову выработать оригинальную концепцию, охватывающую обширные области индоевропейского языкознания. Как верно заметил акад. А. А. Шахматов, «в трудах Фортунатова нас поражает глубокий проникновенный анализ: изучаемым им явлениям давалось столь яркое освещение, что оно своею силой озаряло и все смежные обла-

¹ М. Н. Петерсон, Фортунатов и московская лингвистическая школа, «Ученые записки [Моск. ун-та]», вып. 107, 1946, стр. 28—29.

сти, вызывая стройные научные представления о целых группах соседних явлений»². При этом, однако, изложение строилось так, что каждое явление рассматривалось порознь, а обобщения и выводы не подчеркивались и оставались скрытыми в массе частных замечаний. Такое изложение как бы приглашает читателя самостоятельно пройти весь тот логический путь, идя которым автор пришел к своим заключениям. Поэтому для суждения о теоретических взглядах Фортунатова в ряде случаев оказывается необходимым свести воедино его многие частные высказывания.

Систематической разработке и дальнейшему развитию многих выдвинутых Фортунатовым положений несомненно мешала и атмосфера нигилистического отношения к науке прошлого, создававшаяся последователями «нового учения» о языке, к числу которых раньше принадлежал и автор данной статьи. Н. Я. Марр и его сторонники либо вовсе отвергали сравнительный метод, либо приспособляли его к нуждам ошибочной теории. Критический пересмотр прежних взглядов и отказ от ошибок марровского толка побудили меня углубиться в изучение сравнительного языкознания и привели к убеждению в актуальности систематической разработки фортунатовских взглядов и их проверки в свете новых фактических данных на основе принципов современного советского языкознания.

*

Теория сонантов является составной частью теории индоевропейского чередования гласных и вместе с последней составляет один из важнейших разделов сравнительной фонетики индоевропейских языков.

Специальным объектом теории сонантов являются, как известно, группы звуков, состоящие из гласного и сонанта, и их изменения в зависимости от места ударения в слове. В качестве сонантов здесь выступают не только *i, u*, но также *r, l, m, n*. В сильной позиции, т. е. под ударением, гласные имеют полное образование («полную ступень»), а сочетающиеся с ними сонанты не имеют, как и все прочие согласные, слогообразующей функции. Но в слабой позиции, когда гласные, будучи неударенными, сокращаются («ступень редукции»), сонанты, в отличие от других согласных, приобретают слогообразующую функцию и тем самым приближаются по своему характеру к гласным звукам, либо даже полностью превращаются в гласные. В последнем случае сравнительная грамматика говорит о слоговых сонантах и обозначает их в виде *i̯, u̯, r̯, l̯, m̯, n̯*. При этом сравнительная грамматика учитывает еще и количественные различия между сонантами, имеющими, по меньшей мере в слабой позиции, то краткость, то долготу, например *i̯* и *ĩ̯, r̯* и *r̯̃*.

Фортунатов во многом разошелся с общепринятой теорией сонантов, наиболее подробно и систематически разработанной Ф. де Соссюром. Чтобы сделать более наглядными эти расхождения, представим их в виде таблицы (см. стр. 49). Как видно из таблицы, расхождения между Фортунатовым и де Соссюром касаются как групп с кратким сонантом, так и групп с долгим сонантом. Если отвлечься от некоторых частности (вроде выделения Фортунатовым дополнительного общиндоевропейского сонанта *λ* или разграничения слоговых и неслоговых редуцированных гласных), то основные расхождения между двумя теориями могут быть сведены к нескольким наиболее характерным моментам.

² А. А. Шахматов, Филипп Федорович Фортунатов. Некролог, «Известия Имп. Акад. наук», 1914, стр. 967.

	Группа с кратким сонантом		Группа с долгим сонантом	
	Полная ступень	Степень редукции	Полная ступень	Степень редукции
По де Соссюру	<i>ei/ie</i> <i>er/re</i>	<i>i</i> <i>r</i> °	<i>eiā</i> <i>erā</i>	<i>ī</i> <i>r̄</i> °
По Фортунатову	<i>ei/ie</i> <i>er/re</i>	<i>i</i> <i>ar/ra</i> ° °	<i>ēī</i> <i>ēr</i>	<i>ī</i> <i>ār</i> °

Прежде всего следует отметить разницу в понимании природы слоговых сонантов. Де Соссюр, вслед за К. Бругманом, склонен был приравнивать все без исключения слоговые сонанты к гласным. По Фортунатову, только сонанты *i* и *u* превращаются в слабой позиции в гласные, в силу чего их можно назвать гласными сонантами, остальные же сонанты, становясь в слабой позиции слогаобразующими звуками и приближаясь тем самым к гласным, тем не менее полностью не теряют свойств согласных звуков и могут быть поэтому выделены в качестве согласных сонантов. В соответствии с этим в сильной позиции Фортунатов различал дифтонги, т. е. сочетания гласных с гласными сонантами, и дифтонгические сочетания, т. е. сочетания гласных с согласными сонантами. Только в дифтонгах гласный в слабой позиции полностью редуцируется и как бы поглощается слоговым сонантом; в дифтонгических же сочетаниях гласный не исчезает, а сохраняется в виде краткого и неустойчивого, так называемого «иррационального» гласного, который Фортунатов независимо от качества этого гласного обозначал символом *α*.

В своих воззрениях на природу слогового сонанта Фортунатов не был одинок. Аналогичных взглядов придерживались и некоторые другие языковеды (например, Иог. Шмидт, И. В. Ягич), также выступавшие против чистых локализованных сонантов Бругмана и де Соссюра. Но только у Фортунатова эти идеи переплетаются с другими важными положениями, вместе с которыми они образуют стройную и детально разработанную теорию.

Другая важная особенность фортунатовской теории сонантов касается долгих сонантов. Де Соссюр, как видно из приведенной выше таблицы, признавал существование долгих сонантов только в слабой позиции. Так как де Соссюр рассматривал слоговые сонанты как гласные, то долгие слоговые сонанты были для него лишь разновидностью долгих гласных. Фортунатов же признавал долготу сонантов безотносительно к позиции. Он допускал существование не только долгих слоговых сонантов, но также долгих неслоговых сонантов. При этом долгие сонанты, как слоговые (кроме *i* и *u*), так и неслоговые, рассматривались им как разновидность долгих согласных.

Различие этих точек зрения особенно ясно сказывается в определении полной ступени от долгих слоговых сонантов. Де Соссюр восстанавливал ее в виде двухслогового сочетания типа *euā*, *enā*, где *ā* особая общиндоевропейская гласная фонема, определяемая соответствием др.-инд. *ī*, греч. *ε*, *α*, *ο*, слав. *о*, лат., лит. и герм. *a*. Он опирался при этом на такие случаи чередования корней, как в др.-инд. *bhūtis* «происхождение» и *bhāvitum* «быть», где долгий сонант *ī* является ступенью редукции от

сочетания *avi* из более древнего **euā*, или как в др.-инд. *jātas* «рожденный» при *janitar* «родитель», где долгий сонант $\bar{n}$ (= др.-инд. *a*) предполагает полную ступень *enā* (= др.-инд. *anī*). Но полная ступень с гласным *э* засвидетельствована далеко не во всех индоевропейских языках. В ряде языков, как, например, славянских и балтийских, встречается полная ступень без *э*. Ср. лит. *girtas* «пьяный», где *ir* из $\bar{r}$ (или, по Фортунатову, из $a\bar{r}$), и *gerti* «пить», где *ér* — полная ступень без *э*. Или еще лит. *pažinti* «знать» с *in* из $\bar{n}$ (или, по Фортунатову, из $a\bar{n}$) и *ženklas* «знак» с полной ступенью *ēn* без *э*. Если де Соссюр при реконструкции общиндоевропейской полной ступени, соответствующей долгим слоговым сонантам, исходил из двухслоговых сочетаний с гласным *э*, то Фортунатов предпочитал брать за основу дифтонги и дифтонгические сочетания без *э*, определяя сонант в таких дифтонгах и дифтонгических сочетаниях как долгий. Нельзя не заметить, что такая реконструкция придает теории сонантов Фортунатова особую стройность и последовательность. По сути дела теория сонантов Фортунатова является теорией дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Во всех рассматриваемых случаях мы имеем дело, согласно этой теории, только с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями, которые различаются между собой в зависимости от количества звука в сонантах и места ударения в слове. Параллелизм в поведении краткосонантных и долгосонантных групп оказывается при таком рассмотрении полным: в слабой позиции как те, так и другие одинаково видоизменяются, ослабляя гласный элемент. Соссюровская теория сонантов такого параллелизма не знает, и в ней переход от полной ступени к ступени редукции совершается в разных случаях неодинаково.

Но на чем основывался Фортунатов, допуская долготу сонанта в полной ступени? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к его учению о балтийско-славянской и, шире, общиндоевропейской интонационной системе. И здесь мы можем отметить еще одну существенную особенность фортунатовской теории сонантов, отличающую ее от общепринятой, а именно — ее органическую связь с акцентологией.

В 1880 г. в статье, посвященной сравнительной акцентологии балтийских и славянских языков, Фортунатов в числе других положений выдвинул «чрезвычайно новую и неожиданного рода идею»³ о связи литовских слоговых интонаций с количественными различиями в вокализме древнеиндийского, греческого и латинского языков⁴. Здесь впервые было замечено, что литовским дифтонгическим сочетаниям *iŕ*, *il* (с циркумфлексной интонацией) в древнеиндийском соответствует $\bar{r}$, восходящее к общиндоевропейским кратким слоговым сонантам $\bar{r}$ и $\bar{l}$, а тем же литовским дифтонгическим сочетаниям с акутовой интонацией *ir*, *il* в древнеиндийском соответствуют $\bar{r}$, $\bar{r}$ из общиндоевропейских долгих слоговых сонантов $\bar{r}$ и $\bar{l}$. Ср. лит. *miŕtas* и др.-инд. *mṛtā* «мертвый», лит. *vilkas* и др.-инд. *vṛka* «волк» и, с другой стороны, лит. *žirnis* «горошина» и др.-инд. *jīrnat* «истертое», лит. *pilnas* и др.-инд. *pūrna* «полный». Впоследствии было установлено, что подобные отношения наблюдаются и в дифтонгических сочетаниях с носовыми сонантами.

Открытие древних связей литовского (и, шире, балтийско-славянского) циркумфлекса с краткостью сонанта, а литовского (балтийско-славян-

³ F. de Saussure, A propos de l'accentuation lituanienne, «Recueil des publications scientifiques», Heidelberg, 1922, стр. 496.

⁴ См. Ph. Fortunatov, Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen, «Archiv für slavische Philologie», Bd. IV, 1880.

ского) акута с долготой сонанта на ступени редукции позволило Фортунатову реконструировать аналогичные отношения и для полной ступени.

Что касается полной ступени от кратких слоговых сонантов, отличающейся в балтийских и славянских языках циркумфлексной интонацией, то связь ее с общеиндоевропейскими дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями с кратким сонантом лежит, так сказать, на поверхности. Ср. лит. *snīgas* «снег», серб. *sněg* из и.-е. **sneigh*, либо еще: лит. *gaĩdas*, русск. *гѣродъ*, серб. *grād* из и.-е. **ghordh-*, с циркумфлексом, в литовском и сербском засвидетельствованным непосредственно, а в русском языке — косвенно, в виде ударения на первом гласном в полногласном сочетании *оро*. Труднее показать, что дифтонги и дифтонгические сочетания, представляющие в балтийских и славянских языках полную ступень от долгих слоговых сонантов и выявляющие закономерную акутовую интонацию (ср. лит. *bėrzas*, русск. *берѣза*, серб. *брѣза* с акутированным дифтонгическим сочетанием *ēr*, составляющим полную ступень к и.-е. *ē* или, по Фортунатову, *ā*, засвидетельствованному в др.-инд. *bhūrja-*), продолжают общеиндоевропейские дифтонги и дифтонгические сочетания с долгим неслоговым сонантом. Фортунатов показал это путем сложных сопоставлений и умозаключений.

Он установил прежде всего, что древнейшим типом акутированных дифтонгов и дифтонгических сочетаний в балтийско-славянском являются дифтонги и дифтонгические сочетания с долгим неслоговым сонантом, прямо засвидетельствованные в латышском языке и обнаруживаемые при помощи реконструкции в русском. Он показал далее, что балтийско-славянские интонации и количественные отношения полнее и лучше отражают общеиндоевропейское состояние, чем соответствующие данные других индоевропейских языков. Поэтому, когда перед Фортунатовым встала необходимость определить, какая из двух форм полной ступени является более древней — двухслоговая ли форма типа *eiā*, *erā*, как она выступает в древнеиндийском и некоторых других индоевропейских языках, или же акутированные дифтонги и дифтонгические сочетания типа *ei*, *er*, предполагаемые всей системой балтийско-славянских фактов, — то предпочтение в этом отношении было оказано балтийско-славянскому типу.

Фортунатов писал по этому поводу: «... в индоевропейских дифтонгах и дифтонгических сочетаниях на сонорную согласную по отношению к количеству целого дифтонга или дифтонгического сочетания (без отношения к количеству слоговой части) я определяю различие между дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями с кратко неслоговою частью и дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями с не кратко неслоговою частью...»⁵. И в другом месте: «Иначе смотрят другие, например немецкие лингвисты, на природу общеиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний, так как они не находят долгой неслоговой части в общеиндоевропейских дифтонгах и дифтонгических сочетаниях»⁶.

Фортунатов полагал, что количественные различия как в гласных, так и в сонантах еще в индоевропейском языковом состоянии были неразрывно связаны с интонационными различиями. Так, об общеиндоевропейских дифтонгах *ei*, *oi*, *ai* и *eu*, *ou*, *au* он писал, что в них «... по отношению к количеству неслоговой части различались дифтонги с краткими *i* и *u* и дифтонги с долгими *ī* и *ū*, причем в последнего рода

⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках, I—Ударение в прусском языке, «Русский филологический вестник», т. XXXIII, 1895, стр. 283.

⁶ Из неопубликованных заметок Ф. Ф. Фортунатова по поводу статьи И. Шмидта «Тройная долгота в латышском языке» (Архив АН в Ленинграде, фонд 90, оп. 1, № 31, стр. 54).

дифтонгах количество целого дифтонга представляло долготу длительную по качеству...»⁷ Та же «длительная долгота» или, в переводе на обычную терминологию, та же акутовая интонация прослеживалась Фортунатовым и в дифтонгических сочетаниях с долгими сонантами, а также в ступени редукции всех дифтонгов и дифтонгических сочетаний с долгим сонантом⁸. Соответственно в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях с кратким сонантом, а также в их ступени редукции прослеживалась «прерывистая долгота» или, что то же, циркумфлексная интонация. Таким образом, данная в приведенной выше таблице характеристика общиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний по Фортунатову должна быть теперь дополнена указаниями на их акцентологические свойства.

Характерной отличительной особенностью фортунатовской теории сонантов является также признание общиндоевропейского чередования кратких и долгих сонантов. «Долгие сонорные согласные, — писал Фортунатов, — как неслоговые, так и слоговые, могли чередоваться в общиндоевропейском языке с соответственными по качеству краткими сонорными согласными»⁹. Так, например, сопоставляя греч. *καρδία* при *καρδία* «сердце» с лат. *cor* (из **cord*), ст.-слав. *сръдце*, русск. *сѣрдце*, серб. *срце*, лит. *širdis* (вин. п. ед. ч. *širdį*), Фортунатов вскрывал в основе славянских и балтийских примеров балт.-слав. *ir* с долгим слоговым плавным и, соответственно, акутовой интонацией, чередующееся с краткосонантным *ar*, лежащим в основе примеров из греческого и латинского¹⁰. Рядом с отрицательной приставкой *ar-* (с кратким носовым сонантом), представленной в др.-инд. *a-pād* «безногий», греч. *ἄ-πους*, им отмечалась приставка *ar-* (с долгим носовым сонантом) в греч. гомер. *ἀμφαίη* «отсутствие способности говорить»¹¹.

Чередования гласных по количеству, как и чередования сонантов по количеству, определяли собой различные морфологические варианты одного корня и играли существенную роль в общиндоевропейской морфологии. Дополняя теорию общиндоевропейского чередования гласных данными о чередовании сонантов, фортунатовская теория сонантов поднимала большой вопрос о существовании в общиндоевропейском языке разветвленной системы чередований согласных наряду с чередованиями гласных.

Особенности теории сонантов Фортунатова не исчерпываются только что рассмотренными моментами. С этой теорией связаны и из нее вытекают выводы по таким смежным вопросам сравнительной грамматики, как определение происхождения и свойств общиндоевропейского «неопределенного» гласного (ə), проблема удлинения гласных и выяснение роли и места долгих согласных в фонетической системе индоевропейских языков. Краткое рассмотрение этих добавочных вопросов поможет понять значительность разработанной Фортунатовым теории сонантов.

1. Фонема ə. Господствующие воззрения на природу и происхождение фонемы ə были, как известно, впервые сформулированы де Соссю-

⁷ Ф. Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, Пб., 1922, стр. 148.

⁸ См. там же, стр. 187, 198 и 43.

⁹ Там же, стр. 43.

¹⁰ См. там же, стр. 51.

¹¹ См. там же, стр. 66 и 70.

ром. Опираясь на тот факт, что фонема *ə* в ряде случаев выступает в качестве ступени редукции от так называемых исконных долгих гласных, де Соссюр счел возможным свести это чередование фонемы *ə* с «исконными» долгими гласными к обычному типу индоевропейского чередования гласных, предположив, что «исконные» долгие гласные являются следствием слияния краткого гласного с исчезнувшими гипотетическими сонантами и что фонема *ə* отражает такой гипотетический сонант в слоговой функции. Таким образом, гипотетические сонанты приравнивались к фактически засвидетельствованным сонантам *i, u, r, l, m, n* в том смысле, что и за ними признавалось в ступени редукции свойство превращаться в слоговой звук. Вместе с тем гипотетическим сонантам приписывалось свойство исчезать в полной ступени, соответственно удлиняя предшествующий краткий гласный. Впрочем де Соссюр полагал, что гипотетические сонанты обладали свойством удлинять при своем исчезновении не только гласные полного образования, но также обычные слоговые сонанты; общеиндоевропейские долгие слоговые сонанты *ī, ū, r̄, l̄, m̄, n̄* расшифровывались с этой точки зрения как следствие слияния соответственных кратких слоговых сонантов с *ə*.

В соссюровской трактовке фонемы *ə* был один уязвимый пункт. Дело в том, что фонема *ə* реально встречается не только как ступень редукции от исконных долгих гласных, но и в таких случаях, когда чередование с долгими гласными практически не засвидетельствовано, как в «двухслоговых» корнях типа *ḡenə-* (др.-инд. *jani-*, греч. *γάνη-*). Встает вопрос, можно ли и в случаях последнего рода рассматривать *ə* как рефлекс общеиндоевропейского слогового сонанта и, следовательно, как ступень редукции. Немецкий компаративист Г. Хирт распространил формулу де Соссюра на все случаи, допустив, что и в «двухслоговых» корнях фонема *ə* является следствием редукции исконного долгого гласного и что «двухслоговой» корень типа **ḡenə-* должен быть возведен к гипотетической «базе» типа **ḡenē-* как его полной ступени. Однако гипотетические «базы» этого рода фактически ни в одном индоевропейском языке не засвидетельствованы, и ученик Фортунатова В. К. Поржезинский был прав, назвав их «теоретической реконструкцией»¹².

Фортунатов высказался против одинаковой трактовки фонемы *ə* во всех случаях. Имея в виду «двухслоговые» корни, он писал: «По господствующему мнению лингвистов (не отличающих в общеиндоевропейском языке долгие неслоговые звуки от кратких), общеиндоевропейская гласная *ə* имела в этих случаях такое же фонетическое происхождение, как и в случаях первого рода, т. е. получалась вследствие сокращения гласных *a* различного качества... Я думаю, однако, что в случаях второго рода общеиндоевропейская гласная *ə* по самому происхождению не находилась в чередовании с *a* различного качества и представляла собою такую гласную, которая развивалась фонетически, т. е. вставлялась после долгого неслогового звука... в положении перед известными согласными или группами согласных, и притом употреблялась не одинаково во всех диалектах»¹³.

В случаях типа **ḡenə-* фонема *ə* является, следовательно, согласно Фортунатову, своего рода фонетической вставкой, развившейся в определенном положении после долгого сонанта, первоначально замыкавшего такие корни, другими словами, **ḡenə-* из более раннего **ḡen̥-*.

¹² В. Поржезинский, Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков, М., 1912, стр. 41.

¹³ Ф. Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, стр. 27–28.

2. Удлинение гласных. Помимо «исконных» долгих гласных сравнительная грамматика выделяет, как известно, в общеиндоевропейском языке состояний еще долгие гласные вторичного происхождения. Если «исконные» долгие гласные чередуются с *ə* как своей ступенью редукции, то вторичные долготы чередуются с соответственными краткими гласными в качестве «ступени удлинения» последних. Происхождение ступени удлинения пытался выяснить немецкий лингвист В. Штрейтберг, теория которого получила весьма широкое распространение. Этой теории противостоит теория Фортунатова, вытекающая из его теории сонантов.

Согласно теории Штрейтберга, удлинение гласных было по происхождению заменительным, т. е. появлялось в ударенном гласном в результате утраты гласного следующего слога, как бы заменяя, компенсируя утраченную мору продлением предшествующего гласного и оставляя количество звука в слове неизменным. В специальной статье, посвященной этому вопросу, Штрейтберг особое внимание уделил происхождению литовского акута, усматривая в фактах этого рода наглядное подтверждение своей теории. Литовский акутовый слог, например *bēr-* (в *bėrnas* «батрак, парень»), соответствует, как сказано, двухслоговому сочетанию *bhera-* в других индоевропейских языках (например, в др.-инд. *bhari-man* «бремя», греч. *φέρω-τρον* «носилки»). Считая, согласно общепринятому мнению, двухслоговой комплекс в случаях этого рода первичным, а акутовый слог позднейшим видоизменением этого комплекса, Штрейтберг, отмечая долготу *e* в лит. *bēr-*, видел в ней прямое следствие отпадения *ə*¹⁴.

Опираясь на свою теорию сонантов, Фортунатов выдвинул иное объяснение «протяженного звукового вида». Фортунатов не считал возможным подержать штрейтберговскую трактовку литовских фактов, согласно которой долгота гласного *e* (или *a*) в акутовом дифтонге или дифтонгическом сочетании является следствием утраченного гласного в последующем слоге. Ссылка на литовские факты должна быть, по мнению русского языковеда, устранена хотя бы потому, что она не поддерживается фактами других балтийских, а также славянских языков. «Сравнение с другими балтийскими языками не допускает... никакого сомнения в том, что долгота этих литовских *a* и *e*, равно как и бывшая некогда в общелитовском языке полудолгота их..., представляет собою явление специально литовское»¹⁵, т. е. явление, не свойственное балтийским и славянским языкам в целом.

Сам Фортунатов видел в удлинении гласных следствие перехода к ним долготы от стоящего рядом долгого сонанта. «В литовск. *kālti*, латышск. *kāļt*, — писал он, — я вижу индоевроп. *ka°i-* перед согласною, точно так же, как, напр., из литовск. *vaṛna*, латышск. *varna* (русск. *ворѣна*, сербск. *врѣна* и т. д.) я вывожу индоевроп. *va°r-* перед согласною; в латышск. *kāļt*, *varna* и т. п. случаях до сих пор сохраняется полная (и притом «длительная», т. е. «непрерывистая») долгота сонорной согласной»¹⁶. Встречающиеся в латышских диалектах формы с долгим гласным типа *varna* произошли, с этой точки зрения, из *vaṛna*, и по аналогии с балтийскими фактами *ā* в др.-инд. *anī-* «втулка, чека», *panī*

¹⁴ См. W. Streitberg, Die Entstehung der Dehnstufe, «Indogermanische Forschungen», Bd. III, 1893, стр. 315—317.

¹⁵ Из неопубликованных заметок Ф. Ф. Фортунатова по поводу статьи И. Шмидта «Троякая долгота в латышском языке», стр. 56.

¹⁶ Ф. Ф. Фортунатов, Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке, «Характеристика. Сб. статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша», М., 1896, стр. 483.

«рука» и др. может быть объяснено из более древнего $\bar{a}l$, с последующим удлинением a за счет долгого l и утратой l в позиции перед зубным согласным.

Пока все обстоятельства, сопутствовавшие процессу удлинения гласных, не будут полностью выявлены, трудно окончательно предпочесть одну теорию заменительного удлинения другой, тем более, что принцип сохранения количества звука в слове, лежащий в основе заменительных теорий, отнюдь не столь очевиден и сам нуждается в обосновании. Как одна теория удлинения гласных, так и другая не представляют собой изолированной концепции и тесно связаны с представлениями о многих других явлениях, не получивших еще исчерпывающего объяснения. Вопрос, следовательно, в целом остается пока открытым. В этих условиях было бы неправильно сбрасывать со счетов, как это нередко делается, предложенное Фортунатовым объяснение и исходить из теории Штрейтберга как якобы более вероятной.

3. Долгие согласные. Согласно господствующему мнению, общеиндоевропейскому языковому состоянию были чужды геминаты или, точнее, долгие согласные¹⁷. Исключение допускается лишь в отношении небольшого количества слов, например: др.-инд. *atta* «отец», греч. $\alpha\tau\tau\alpha$, лат. *atta*, гот. *atta* и т. д. или греч. $\pi\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ «дедушка», др.-инд. *amba* (по всей вероятности, из *amma*), *akka*, *alla* «мать», лат. *pappare* «есть» и т. д., где за удвоенными согласными признается общеиндоевропейская давность. Но в таких словах, которые объясняются словами «летского языка» или экспрессивными словечками, вилят скорее отражение общечеловеческих речевых тенденций, чем проявление специфических черт родства индоевропейских языков.

Фортунатов и в этом вопросе разошелся с общепринятыми взглядами и выработал свою оригинальную точку зрения.

Выше уже отмечалось, какое большое значение Фортунатов придал долгим сонантам в системе общеиндоевропейского консонантизма. Рядом с долгими сонантами Фортунатов различал в общеиндоевропейском языковом состоянии и другие долгие согласные. Так, двухслоговой корень *pet-*, представленный в др.-инд. *pátitum* «лететь», *patiṣyáti* «будет лететь», греч. $\pi\acute{\epsilon}\tau\alpha\mu\iota$ «лечу», он возводил к *pet-* (с долгим $\bar{e}$). Равным образом, гласный $\bar{e}$ в др.-инд. *duhitā-* «дочь», греч. $\delta\upsilon\tau\acute{\epsilon}\tau\eta\rho$ он относил к случаю, где $\bar{e}$ возникло в качестве фонетической вставки после долгого согласного¹⁸. Долгота согласного во всех таких случаях являлась, по Фортунатову, закономерной чертой структуры индоевропейского корня.

Специфическая черта общеславянского языка, не допускавшего, как известно, удвоенных согласных и проявлявшего общую тенденцию к открытым слогам, объяснялась Фортунатовым как результат упрощения былых долгих согласных, частью продолжавших общеиндоевропейские долгие согласные (как в слове *отец*, где t из tt), частью же возникших на местной почве. Особый разряд смягченных согласных в общеславянском возник, по его мнению, из долгих согласных, существовавших некогда в позиции перед j . Так tj , dj превращались сначала в $\bar{t}'$, $\bar{d}'$, позднее в $\bar{c}$, $\bar{g}$, что дало в большинстве славянских языков *шт* (непосредственно из *шч*) и *жд*, а в русском языке — *ч* и *ж*¹⁹.

Характерное для общеславянского состояния упрощение групп со-

¹⁷ Ср., например, H. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, Teil I, Heidelberg, 1927, § 254.

¹⁸ См. Ф. Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, стр. 32—33.

¹⁹ См. там же, стр. 231.

гласных протекало, по Фортунатову, также через геминацию. Так, сочетание согласных *kt* перед гласным переднего ряда изменялось сначала в долгое *t*, которое затем упрощалось; ср. ст.-слав. *дѣштити*, русск. *дочь* и лит. *duktė* или инфинитив *pešiti*, русск. *печь*, при *пек-* в *пекж*, русск. *пеку*.

В лекциях по готскому языку Фортунатов отмечал рефлексы общеиндоевропейских долгих согласных в германских языках, явно не соглашаясь с господствующими воззрениями, согласно которым германские геминаты представляют собой специфически германское явление. Сюда относятся прежде всего некоторые случаи с общегерманским *ī* (=гот. *ddj*), где оно более или менее явно прослеживается как продолжение общеиндоевропейского *ī*. Так, гот. *twaddje* «двух» может быть сопоставлено с лит. *dviejų*, где *ie* из дифтонга *ai* либо *ei*, и с греч. *δοῖος*, где *i* не может восходить к простому индоевропейскому *i*. Фортунатов возводит все эти формы к общеиндоевропейской основе им. падежа *dvoī*, где к конечному *i* основы присоединился суффикс *-ia*. Если гот. *waddjus* «стена» от того же корня, что ст.-слав. *вити* или др.-инд. *vayati* «ткет», то герм. *ī* позволительно возводить здесь к общеиндоевропейскому *i* в дифтонге с долгим сонантом *ei*. Аналогичное толкование допустимо и в некоторых примерах с другими долгими согласными. В гот. *triggws* «верный», где *ggw* из общегерм. *ū*, Фортунатов усматривал отражение общеиндоевропейского дифтонга *ei*. Долгое *r* в гот. *fairra* «далеко» отражает общеиндоевропейское *r̥*, как долгое *n* в гот. *kann* «я знаю» или *kinnus* «щека» может восходить к общеиндоевропейскому *n̄*. Не отрицая возможности появления новых долгих согласных в германских языках, Фортунатов настаивал на мысли, что в ряде случаев германские геминаты свидетельствуют о более древних, общеиндоевропейских долгих согласных²⁰.

*

С тех пор как Фортунатов разработал теорию сонантов, сравнительная грамматика успела накопить новые материалы и во многом уточнить свои выводы. Как же выглядят основные положения фортунатовской теории теперь, спустя четыре десятилетия после смерти ее автора в свете новых данных?

Мы видели, что одним из основных положений, выдвинутых Фортунатовым в связи с его теорией сонантов, было допущение, вопреки господствовавшему мнению, долгих сонантов и, шире, долгих согласных вообще при характеристике структуры общеиндоевропейского корня. Следует подчеркнуть, что в дальнейшем развитии науки все яснее стала обозначаться тенденция в пользу признания долгих согласных в качестве закономерного элемента общеиндоевропейской фонетической системы.

А. Мейе был одним из первых, кто сделал существенный шаг в этом направлении. Продолжая стоять на позициях «экспрессивной геминации», Мейе тем не менее отошел от старых представлений в том смысле, что признал факт широкого распространения этого явления в общеиндоевропейском. «Экспрессивное удвоение, — писал он, — часто встречается в индоевропейском; оно, конечно, было особенно употребительно в обиходном языке, который плохо поддается сравнительному изучению»²¹.

²⁰ Из неопубликованных лекций Ф. Ф. Фортунатова по готскому языку 1889—1890 акад. г. в записи В. Поржезьянского (Архив АН в Ленинграде, фонд 90, оп. 1, № 50, стр. 37—38, 44, 46—48).

²¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 154.

Что касается самого понятия «экспрессивности», к которому прибегает Мейе для объяснения общеиндоевропейской геминации, то оно на проверку оказывается весьма неопределенным и расплывчатым. Так, например, к «экспрессивным» словам Мейе относит гот. *twaddje*, др.-в.-нем. *zweio* «двух», значение которых лишено какого бы то ни было оттенка «экспрессии».

Рассматривая удвоение сонантов *i* и *u* в германском, которое обычно трактуется как специфически германское явление, Мейе писал: «... на самом деле речь идет об экспрессивном удвоении, унаследованном из индоевропейского языка и получившем большое распространение в германском. Тип др.-в.-нем. *zweio* следует сопоставить с греч. *doiōs* «двойной» из старого **dwoiōs*, т. е. **dwoyōs*. Тип др.-в.-нем. *triwi* можно сравнить с типом лат. *“lippus”*»²².

Сходная трактовка генезиса долгих согласных наблюдается в ряде специальных исследований, посвященных геминатам в отдельных индоевропейских языках.

В германском языкознании, после работ Р. Траутмана, В. Висмана, А. Мартина и др., окончательно подорвано доверие к старой теории Беценбергера-Клуге, рассматривавшей геминацию смычных согласных в германских языках как позднее и специфически германское явление, будто бы возникшее в результате процессов ассимиляции. В свете новых данных обнаружилось общеиндоевропейское происхождение «экспрессивной» геминации, ее значительный удельный вес в фонетике германских языков и, что особенно важно, ее морфологическая значимость.

Широкая морфологическая значимость чередований долгих согласных с краткими в германских языках может быть иллюстрирована рядом примеров. Долгие согласные используются в глаголах для выражения интенсивности, частоты, повторяемости или длительности действия. Ср. др.-в.-нем. *snīdan* «резать» и ср.-в.-нем. *snitzen* «вырезать по дереву» (где *tz* — последствие геминации); гот. *skiuban* «двигать», др.-исл. *shúfa* и норв. диалект. *skuppen* «толкать»; гот. *tiuhan* «тянуть, тащить», др.-в.-нем. *ziohan* и ср.-англ. *tuck* «подвертывать, засучивать», нем. *zucken* «вздрагивать, подергиваться»; др.-исл. *gala* «петь», др.-в.-нем. *galan* и др.-исл. *gialla* «кричать», др.-в.-нем. *gellan*; др.-исл. *vega* «двигать(ся)», др.-в.-нем. *wegen* и норв. *vagge* «идти покачиваясь». В прилагательных долгие согласные выражают усиление, высокую степень, полноту или постоянство качества. Ср. др.-исл. *gramr* «гневный» и *grimmr* «свирепый, яростный»; др.-англ. др.-в.-нем. *crumb* «кривой» и др.-в.-нем. *crumpf* (с *pf* из *pp*) «извилистый, витой», *crampf* «скрюченный». С другим оттенком значения — гот. *alls*, др.-исл. *allr* «весь, полный», но в качестве первого элемента сложных слов гот. *ala-*, др.-исл. *al-* без удвоения. В именах существительных удвоение служит для выражения уменьшительности, ласкательности или увеличительности, в отлагольных именах — для выражения постоянства и повторяемости действия, в именах, образованных от прилагательных, — для выражения высокой степени качества. Ср. гот. *brihan* «ломать» и др.-исл. *Brokk* — имя мифологического кузнеца; др.-в.-нем. *Itta* — имя собственное, уменьшительное от полного имени *Itaberga*; др.-англ. *dýfan* «нырять» и отлагольное имя *dorpe* «какая-то выряющая птица»; др.-в.-нем. *scioban* «двигать» и *scipfa* (где *pf* из *pp*) «качели»; др.-в.-нем. *bret* (род. п. *bretes*) «доска» и с геминацией *brettan* «бревно, брус», ср.-в.-нем. *pretan* «большое бревно»; др.-исл. *vit* «ум, разум» и *vitt* «чародейство»; др.-исл. *mjöl* «мука», но с

²² А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., 1952, стр. 65.

удвоением *mjoll* «мелкий, свежавывающий снег»; др.-англ. *fæg* «пестрый» и *fasc* «вид камбалы».

Фортунов, как мы видели, подчеркивал значение чередований долгих согласных с простыми в образованиях и формах от одного корня. Не будет преувеличением сказать, что в приведенных здесь и аналогичных им примерах чередование согласных выполняет функцию, сходную с функцией, выполняемой чередованием долгих и кратких гласных в таких случаях, как, например, греч. *φέρω* «несу» и *φωρ* «вор» («постоянно уносящий?»), *μῆδομαι* «думаю о чем-либо» и *μῆδομαι* «обдумываю, взвешиваю» или др.-инд. *nabhas* «облако» и *nabh* «облака, тучи».

Мнение о былой распространенности геминат неоднократно высказывалось в последние десятилетия и применительно к славянским языкам. Правда, в большинстве случаев восстанавливаемые в славянском геминаты относятся исследователями не к общеиндоевропейской эпохе, а к более поздним временам. Во всех случаях, однако, находит себе подтверждение положение Фортунатова об относительно позднем происхождении «закона открытых слогов» в славянском и важной роли долгих согласных в фонетическом и морфологическом строе индоевропейских языков на ранних ступенях их развития.

Происхождение смягченных согласных из геминат, выдвинутое Фортунатовым, воспроизводится в работах Н. Ван Вейка и А. Вайана, особенно последнего²³. Упрощение групп согласных и образование в результате такого упрощения открытых слогов происходило, по Вайану, именно так, как это предполагал Фортунатов, т. е. через промежуточную ступень геминации. С этой точки зрения русск. *дно* из старого *дъно* возникло из **дъбно* (ср. лит. *dūgnas* из **dūbnas*) через промежуточную фазу **дънно*.

В качестве параллели к греческим и германским ласкательным формам с удвоенными согласными типа греч. *Κλέρις* к *Κλερένης* или др.-в.-нем. *Itta* к *Itaberga* Вайан приводит интересные славянские факты. Русск. *кума*, серб. *кѹма* являются преобразованием ст.-слав. *къмотра*, заимствованным из романского *commatre*. Форма *кума* обычно объясняется из **kōma* с углинением гласного, но лучше вывести ее из **kāmta* с удлинением согласного, где группа *итт* закономерно превратилась впоследствии в *от*, и с утратой носового гласного в *ит*. А. Вайан допускает аналогичный путь развития — через геминацию — и для других ласкательных образований в сербском, как *Бѣжо* от *Бѣжидар* или *ѣчо* от *ѣчителъ* «учитель»²⁴. Долгие гласные в таких образованиях являются позднейшей заменой долгих согласных, что хорошо согласуется с мыслями Фортунатова об удлинении гласных как возможной замене старых долгих согласных.

Одним из важнейших открытий, сделанных в области сравнительной грамматики индоевропейских языков после смерти Фортунатова, является обнаружение ларингальных. Выше уже упоминалось о гипотезе де Соссюра, согласно которой в основе общеиндоевропейских «исконных» долгих гласных, а также «твухслоговых» корней лежали особые согласные, обладавшие свойствами сонантов. Польскому ученому Е. Куриловичу удалось в 1927 г. подтвердить гипотезу де Соссюра фактами незадолго до того дешифрованного хеттского языка, и с тех пор гипотеза де Соссюра приобрела значение достоверного факта. Это, конечно, не значит, что теория ларингальных может быть принята во всех деталях: слишком

²³ См.: N. van Wijk, *Geschichte der altkirchenslavischen Sprache*, B1. I, Berlin und Leipzig, 1931, стр. 72—73; A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I, Lyon — Paris, 1950, стр. 65 и сл.

²⁴ См. там же, стр. 99.

много здесь еще противоречивого и неясного во всем, что касается установления первоначального числа ларингальных, определения фонетической природы каждого из них и их взаимоотношений с другими фонемами. Спорным является также вопрос о правомерности отождествления былых ларингальных с сонантами. Но самый факт происхождения «исконных» индоевропейских долгих гласных, а также «двухслоговых» корней из сочетаний с ларингальными не подлежит сомнению. Об этом говорит довольно большое число достоверных этимологий. Вот некоторые из них. Для общеиндоевропейских «исконных» долгих гласных: ср. хет. *paḥs-* «охранять» и др.-инд. *ṛāti* «охраняет», лат. *pāscō* «пасу», ст.-слав. *пасѣ*; хет. *meḥur* «время» и др.-инд. *māti* «мерит, измеряет», греч. *μήτις* «разум», лат. *melior* «мерю, измеряю», ст.-слав. *мѣра*, гот. *mel* «время». Для «двухслоговых» корней: ср. хет. *palḥiṣ* «широкий» и лат. *planus* «плоский, ровный», лит. *plōnas*; хет. *parḥ-* «толкать, гнать» и греч. *περάω* «проникаю, проезжаю», русск. *паром*; хет. *arḥ-z* (аблятив) «снаружи» и греч. диалект. *ἄρατρον* «плуг», лит. *arti* «пахать», лит. диалект. *orañ* «снаружи»; хет. *sanḥ-* «искать» и др.-инд. *satā-* «выигранный», наст. время *sanōti* «выигрывает».

Согласно де Соссюру, ларингальные обладали свойством при своем исчезновении удлинять предшествующий гласный. Чтобы согласовать теорию ларингальных с фортуновскими взглядами на долгие согласные и, в частности, на долгие сонанты, достаточно допустить, что ларингальные обладали свойством удлинять не только гласные, но и согласные. Некоторой опорой для такого предположения могут служить не только данные сравнения, но и факты самого хеттского языка, отдельно взятого. Как отмечает И. Фридрих, в хеттском языке в одних и тех же словах встречается двойное написание согласных наряду с обозначением сочетания согласного с ларингальным; ср. *eṣḥar* «кровь» (род. п. ед. ч. *eṣ.anas*) и *eṣḥar* (род. п. ед. ч. *eṣ.naṣ*), либо еще: *idalayaṭti* «ты делаешь зло» с *tt* вместо обычного *ht* в *id.layaḥti*²⁵.

Свойство ларингального удлинять предшествующий звук — будь то гласный или согласный — легко представить себе с фонетической точки зрения, если учесть, что речь идет о гортанном или фарингальном звуке, смычном или щелевом, который может быть воспринят как некий призыв, сопутствующий смежному гласному или согласному. После того как «гортанный оттенок» распространяется на стоящий рядом звук, оба окрашенных в одинаковый тембр звука сливаются в один долгий²⁶.

Ларингальная теория хорошо согласуется с воззрениями Фортунатова еще в одном пункте. Одной из важнейших особенностей теории сонантов Фортунатова является, как отмечалось выше, ее органическая связь с акцентологией. Дифтонги и дифтонгические сочетания с долгими сонантами генетически связаны, согласно этой теории, с «длительной долготой», или, в общепринятой терминологии, акутовой интонацией. Теория ларингальных помогает понять эту связь.

Известно, что в латышском языке и в некоторых литовских говорах существует особая акутовая интонация, сопровождаемая смычкой голосовой щели, что приводит к ослаблению или даже полному перерыву голоса. В последнее время было высказано мнение, что из двух компонентов акутовой интонации — высоты тона и гортанной смычки — именно по-

²⁵ И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, § 30.

²⁶ Происхождению долгих гласных в лезгинском в результате «глоттизации» отмечает П. К. Усепаров («Этнография Кавказа. Языковедение. VI — Кюринский язык», Тифлис, 1896, стр. 9) и Л. И. Жирковым («Грамматика лезгинского языка», Махачкала, 1941, стр. 23).

следний является более важным в генетическом отношении. Не только балтийско-славянская акутовая интонация, но и древнегреческая может быть определена по своему происхождению как «резкая» интонация с гортанной смычкой и толчкообразным усилением и повышением голоса. Если такое фонетическое определение общеиндоевропейской акутовой интонации верно, то оно хорошо объясняется наличием былых ларингальных²⁷. Ларингальные не только обуславливали появление долгих гласных и согласных, но и благодаря особенностям своей артикуляции вели к образованию особой интонации. Давно отмеченная исследователями связь балтийско-славянского акута с «исконной» долготой гласных и с «двухслоговыми» корнями находит себе, таким образом, ясное и убедительное объяснение и, если вместе с Фортунатовым принять балтийско-славянские данные как лучшее свидетельство общеиндоевропейских интонационных отношений, то можно как в общеиндоевропейском акуте, так и в общеиндоевропейских долготах равным образом видеть следы исчезнувших ларингальных.

Говоря о ларингальном происхождении акута, необходимо отличать случаи этимологического акута, где акут действительно отражает былой ларингальный, от случаев так называемого метатонического акута, т. е. акута, занесенного в циркумфлексы по происхождению корня. Чередование акута и циркумфлекса стало весьма рано таким же средством морфологического чередования в одном корне, как чередование гласных. Но случаи вторичного или метатонического акута требуют особого объяснения и не могут быть рассмотрены в настоящей статье.

*

Разногласия между Фортунатовым и господствовавшими в современном ему языкознании направлениями не только касаются частных вопросов, но поднимаются в ряде пунктов до уровня принципиальных расхождений в трактовке сравнительно-исторического метода. В рамках настоящей статьи мы можем лишь весьма кратко остановиться на этих принципиальных расхождениях.

Еще А. Брюкнер отмечал самобытность Фортунатова и основанной им лингвистической школы не только в выдвигаемых положениях и специальных выводах, но и «в методе, во всей манере»²⁸.

Расхождения эти касаются прежде всего понимания фонетических законов и процесса их осуществления. Фортунатов постоянно стремился дать фонетико-физиологическое обоснование звуковым переходам и по возможности восстановить все промежуточные фазы в развитии звука от предполагаемого древнейшего его состояния до нынешнего. Выше мы видели, как Фортунатов объяснял появление *э*, возникавшего в ряде случаев из долгих сонантов в качестве своего рода «фонетической вставки», как точно стремился он представить себе фонетический облик слоговых сонантов и т. д. Его интересовали не только «праязыковые символы», не только место того или иного звука в общей схеме реконструируемых отношений, но конкретные звучания и конкретные исторические изменения звуков. Брюкнер в названной работе упрекал Фортунатова в конструировании бесконтрольных переходов, придумывании слишком тонких нюансов и т. п. Но, как мы видели, далеко не все то, что казалось современникам Фортунатова надуманным и необоснованным в его иссле-

²⁷ См. A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I, стр. 244—245.

²⁸ См. A. Brückner, *Slavisch—Litauisch*, в кн. «Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft...», hrsg. von W. Streitberg, II, 3, Strassburg, 1917, стр. 50.

дованиях, является таковым на самом деле и заслуживает осуждения. Современные исследования подтверждают многие гипотетически построенные Фортунатовым представления о конкретных фонетических процессах. К тому же стремление к раскрытию внутренней связи и взаимодействия между реальными фактами не может быть дискредитировано, даже если исследователь терпит на этом пути отдельные неудачи.

С только что отмеченной особенностью фортунатовской манеры исследования тесно связана и другая ее особенность, именно — установка на прослеживание процессов развития в языке. В зарубежном историческом языкознании того времени, и особенно в последующую эпоху, резко сказалась тенденция к отходу от идеи развития к извращенному пониманию языковых процессов как лишенных закономерности и определенной направленности. Эта тенденция проявлялась в истолковании реконструируемых явлений как «простых символов», а также в признании всеобщей обратимости языковых процессов и т. д. Фортунатов не считал для себя допустимым ограничиваться простой констатацией формул соответствий и всегда стремился вскрыть зарождение явления, его историческое движение. Не скрывая своего скептического отношения к исторической установке исследований Фортунатова, Брюкнер в целом все же не мог не признать, что историзм русского языковеда «доставляет триумфы в отдельных частностях» и что во всяком случае такой метод исследования «решительно разделяется со старой шлейхеровской концепцией, воспринимавшей все новейшее развитие языка только как упадок и крушение великолепного здания древнейшей языковой структуры, и подчеркивает только органическое развитие и движение вперед»²⁹.

В числе особенностей фортунатовского метода исследования нужно, наконец, назвать еще и отсутствие предвзятости при выборе прототипов для реконструкции древнейшего состояния языка. Историческое развитие сравнительного языкознания привело к тому, что в роли прототипа древнейших отношений долгое время выступал древнеиндийский язык, к которому в последней четверти прошлого века присоединился еще греческий язык. Эти два языка служили как бы эталоном общиндоевропейской древности, и общая картина реконструкции во многом была списана с этого образца. Фортунатов был одним из первых, кто понял, что древние черты, допускающие реконструкцию тех или иных сторон общиндоевропейского языкового состояния, могут сохраняться в каждом индоевропейском языке. Благодаря его исследованиям стало очевидным большое значение славянских и балтийских материалов для такой реконструкции. Именно привлечение материалов славянских и балтийских языков придает предложенной Фортунатовым реконструкции древнейших интонационных отношений, его теории сонантов и другим высказанным им мыслям внутреннюю стройность и убедительность, поскольку эти языки дают в названных случаях солидную фактическую опору для далеко идущих выводов. Совершающийся ныне критический пересмотр общей схемы праиндоевропейских отношений, представленной в старых исследованиях, — пересмотр, вызванный расхождением между вновь открытыми фактами хеттского языка и старой картиной реконструкции, имеет, таким образом, в лице Фортунатова одного из выдающихся своих предшественников.

²⁹ См. A. Brückner, *Slavisch — Litauisch*, стр. 52.